

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л



РОМАН №14 ГАЗЕТА

Виктор Слипенчук / За мысом Поворотным

95
1927-2022





СЛИПЕНЧУК Виктор Трифонович

Родился 22 сентября 1941 года в селе Черниговка Приморского края. Российский писатель, поэт, обладатель Золотой Есенинской медали «За верность традициям русской культуры и литературы», автор многочисленных очерков, романов, повестей, рассказов, стихотворений. Член Союза писателей СССР с 1982 года.

«Роман-газета» на книжном фестивале «Красной площади». Москва 2022 год



Окончание см. на 3 стр. обложки.



Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Вильямович Козлов

**Редакционная
коллегия:**
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2022
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2022 № 14 /1907/ Основана в 1927 г.

Виктор Слипечук

За мысом Поворотным

Повести

За мысом Поворотным

Дневник одного рейса

...У нас у всех есть один якорь, с которого, если сам не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга.

И. С. Тургенев

Глава 1

Дмитрий Петрович Мануйлов, старший механик нашего супертраулера, был призван в команду с курсов повышения квалификации в последний момент. Мы познакомились в Находке на вокзале перед отъездом на аэродром «Озёрные ключи».

Ночь была тёплой, на перроне вдоль состава толпились провожающие.

Игривые переборы гармошки, свист, взвизгивание, стук каблучков казались мне вызывающе весёлыми.

Я стоял один, испытывая какое-то странное спокойствие — никто меня не провожал и скрывать свою грусть было не перед кем. Да... «провожают пароходы совсем не так, как поезда», совсем... На воде всё плавнее, продолжительнее, до маленькой светлой точки в душе тает береговой огонёк... Вдруг, словно подавая тайный сигнал, кто-то дважды даванул мою ногу. Скосив глаза, я увидел жидкий чубчик, сквозь зализанные строчки которого незащищённо проглядывала розовая плешь. «Чубчик» чрезвычайно серьёзно и внимательно смотрел в пространство перед собой. Заинтересовавшись, и я посмотрел в это пространство. Оно было темно и пусто, там был тупик. Полагая, что таким странным способом меня приветствуют, принимая за кого-то другого, выжидательно глянул на «чубчика» — вот сейчас он смутится и принесёт свои извинения. К моему изумлению, «чубчик» с тем же, если не с большим, вниманием разглядывал обыкновенную авторучку. Даже не разглядывал, а, щурясь, смотрел на неё, держа двумя руками на уровне глаз, слегла наклонив металлическую крышку к источнику света, ячеистому прожектору, напоминающему издали кусок медовых сот. «То ли наступить ему на ногу?!» — подумал я, но «чубчик» опередил.

— Ха! — коротко вскрикнул он.

И в этом возгласе прозвучало неподдельное радостное торжество, я невольно вновь посмотрел на авторучку.

— Блестящую точку лови, отблеск на зажиме, на рёбрышке... да сощурься, сощурься! — наставительно и в то же время нетерпеливо говорил он, словно показывал не блестящую точку, отблеск, а новую, только что открытую звезду.

Опасаясь розыгрыша, я оглянулся по сторонам.

— Да сюда смотри, сюда... Радужные такие кружочки выходят из блестящей точки и по кругу опять в неё заходят. Ну вот как магнитное поле рисуют, чёрточки — силовые линии.

— Ну и что? — спросил я, ища и не находя в ответе того дополнительного смысла, который бы объяснил мне его поведение.

— Дуализм, вот что, — не отрывая взгляда от авторучки, сказал «чубчик» и рассудительно заметил: — Если свет действительно стремится в ту же точку, из которой выходит, то солнышко нам ещё погрет, погрет!

— Ну и...

— Погрет!

Сунул руки в боковые карманы куртки, удивлённо воззрился на меня, словно всё это время не он, а я его озадачивал.

— Будем знакомы. Мануйлов. Дмитрий Петрович. Стармех.

— Валерий Антонович, первый помощник.

Он чересчур горячо пожал мою руку и тут же неожиданно подытожил:

— Значит, на «Давыдове» вместе служить? Добро. — Кивнув на вагон, зашагал к нему, ровно-ровно, точно по шаткому узкому трапу.

...И вот мы, девяносто человек — члены команды супертраулера «Давыдов», в самолёте. «ИЛ-62» взял курс на Сингапур, нам предстоит принять судно у подменного экипажа и идти на рыбный промысел в океан. Ночью самолёт сделал первую посадку в аэропорту Карачи, утром мы были в Калькутте, а спустя несколько часов подлетали к Бангкоку...

— Стоянка не более часа, — объявила стюардесса.

Не успел самолет остановиться — подали трап. Загораживая проход к другим самолётам, тайландки жестами приглашали пройти в автобусы. В тёмно-синих пилотках, одинаковых кофточках и мини-юбочках, с чёрными сумками через плечо, расставив ноги, точно полисмены, они так неистово махали руками, словно имели дело не с людьми, а с овцами.

Стоило нам по ошибке приблизиться к девушкам, как они в испуге отбежали. Может, они приняли нас за переодетых солдат?.. Присутствие в Тайланде американских военнослужащих делало своё дело.

Вместительные автобусы подвезли нас к небольшому двухэтажному зданию. Солнце палило нещадно. Жар опустошал лёгкие, воздух «плавился» — в двадцати шагах переливалось марево обширных вод. Металлические контейнеры, фургоны спецмашин, бетон — всё раскалено, всё отдавало запахом бензина.

Мы вошли в помещение, напоминающее склад. Это впечатление усиливал встретившийся тайландец с мешком в руках. На нём поношенный мундир военнослужащего ВВС США, разумеется, без отличительных знаков. Мундир велик, тайландец выглядел в нём жалким подростком... Мы уступили ему дорогу, но он поспешно исчез в затемнённой глубине зала. Постепенно глаза привыкли к полумраку. Различили стойки, полки витрин, уставленные деревянными идолами с разодранными ртами и нестерпимо белыми клыками. Идолов много — целая армия. Они тарасили глаза, ухмылялись, шерили зубы. Поражённый обилием страстей, боцман Александр Иванович воскликнул:

— Вот безобразничают!

Продавщица поняла его по-своему. Мило улыбнувшись, она с трудом поставила перед ним самого большого идола. Очевидно, её ввело в заблуждение богатырское телосложение Александра Ивановича. Мы засмеялись. А боцман, изображая из себя покупателя, крутил идола, стучал ногтем по его затылку, отходил — оценивал на расстоянии. Он до того был серьёзен и недоступен, что, наблюдая за ним, старпом не выдержал:

— Боцман, у тебя что, есть валюта?

— Дело не в валюте, — уклончиво ответил Александр Иванович, искоса поглядывая на продавщицу. — Больно уж вещица хороша.

Пробуя на вес, понянькал идола в руках, вздохнул, неподдельно сожалея:

— Петрович, спйкни ей, легковат, а то бы взял.

Боцманская хитрость развеселила не только нас. Тайландка уже давно смотрела на него с восхищением. Действия боцмана (так показалось нам) пленили её прежде всего тем, что в них она уловила свой особый смысл, быть может, намёк на ухаживание.

Уходя, боцман улыбнулся ей, она смутилась и, скрывая смущение, толкнула идола. Покачнувшись, он враждебно оскалился.

Так и осталось в памяти: Бангкок — обилие солнца и амбарный полумрак зала ожидания, в котором хрупкая девушка — словно в плену враждебных ей идолов.

После испепеляющей жары в Бангкоке мы приуныли. Если там «плавится» воздух, то что же нас ждёт в Сингапуре? И всё же скорей бы... Пятнадцать часов пути на любом лайнере утомительны. Но всему приходит конец. Вспыхивает электротабло: «Ню смокин!» — «Не курить!» Самолёт идёт на посадку. Сингапурский пролив как на ладони. А вот и гавань;

густо уставленная судами, она кажется продолжением города.

Сингапур сегодня, как и во времена Колумба, — *aurea Chersonesus*¹.

Омытый тропическим дождём город благоухал. Запах магнолий тёк отовсюду. Воздух можно было пить, и мы пили его. Однако свечение радуги, металлический блеск стёкол аэропорта, геометрические линии скверов и садов — всё это уже не трогало. Скорей, скорей бы на родное судно — мы устали.

Таможенники суетились, наспех заполняли какие-то карточки. Неумолимый китаец — агент из «Сосиаклайн»², энергично жестикулируя, просил фельдшера Полину Ивановну Манину представить наши медицинские свидетельства. Полина Ивановна, женщина могучего охвата, возвышалась над ним точно скала.

— Что он буровит, какой сертификатес-с! — наконец громогласно возмутилась она и упёрла кулаки в бока.

Движимый инстинктом самосохранения, представитель фирмы отступил, почувствовал: «скала» может обрушиться.

— Он просит санпаспорта... На прививки... чёрную оспу, холеру, — догадался второй штурман.

— Так чего же тогда?.. Так бы и говорил!..

Мы развеселились, время побегало быстрой.

В двадцать часов были на траулере. Он стоял на рейде. Ранняя тропическая ночь, наклоняясь над палубой, тихо роняла звёзды. Гонимые приливом, они выкатывались на слип, и Кентавр, покровитель моряков и солдат, целящийся в неведомое, уже звал нас в путь, на большую путину.

Глава 2

Когда принимаешь судно в чужом порту, долго не разговариваешь. Сразу: вот тебе это, а вот тебе то.

Первый помощник подменного экипажа подаёт акт и требует: «Подпиши». Вот именно, требует. Из Новой Зеландии пришёл траулер «Посьет», и ему надо ещё принять этот «Посьет», потому что сегодня вечером, как раз нашим самолётом, посьетовцы улетят в Москву.

Мне хочется хотя бы мельком пробежать по списку кинофильмов: кстати, это моё право, но им не воспользуешься — оно смахивает на недоверие.

Ставлю подпись и только после спрашиваю:

— Иван Захарович, проекционок много?

Теперь можно спрашивать сколько угодно, даже придирается можно: мол, того нет, этого. Мы помещались ролями: акт подписан, и материальной ответственности за всякую там недостачу имущества,

случись она, Иван Захарович уже не несёт, и это-то и есть мой козырь, потому что на флоте нет ничего превыше доверия. Разумеется, Ивану Захаровичу это известно.

— Пятьдесят ламп, — вежливо отвечает он.

Нет и намёка на недавнее раздражение, его словно подменили. Он достаёт платочек и, промокнув выступивший на лбу пот, вздыхает; Иван Захарович явно чем-то смущён. «Неужели недостача, не отражённая в акте?.. Интересно, очень интересно...»

Иван Захарович опять промокнул пот.

— Понимаешь, на подходе «Арзамас», а у них вообще ноль этих ламп.

Он конфузится: ему приходится просить об одолжении, хотя какое это одолжение. Десять проекционных ламп. Он мог бы их взять без спросу, но в том-то и дело, что без спросу Иван Захарович не взял. И вот конфузится, вытирает пот, и этот факт по своему значению неизмеримо выше моей подписи под актом. Мне совестно:

— Какой разговор! Где они?

— Да вот, я отложил десять.

Иван Захарович почти извиняется за самоуправство. Но в его самоуправстве — вера в мою безотказность.

— Не десять надо отложить, а двадцать, — щедро добавляю я.

Весь ритуал приёмки и сдачи имущества для таких людей, как Иван Захарович, — мука, чтобы не сказать больше.

Покончив с лампами, мы выходим на палубу. Ивана Захаровича ждёт бот. Уже у трапа он сообщает:

— Вряд ли вы уйдёте четырнадцатого... что-то там у механиков не клеится.

— Склеится, — беспечно отвечаю.

Меня радуют предстоящие четыре дня стоянки в Сингапуре и запланированная на сегодня экскурсия по городу.

Увидев нас, на боте оживились, осторожно приняли коробку с лампами и удержали Ивана Захаровича (прыгнув с трапа, он покачнулся на банке³). Взревел мотор, на шум выбежали несколько человек. Обычная реакция... Любая шлюпка у борта словно магнитом притягивает.

— Вовка, ты в этой шляпе как колонизатор! — крикнул Лёня Фельдман второму штурману из подменного экипажа.

Тот поднял руку в белой перчатке, на шлюпке стали выбирать швартовы.

— Ну даёт! — восхитился Лёня.

Шлюпка отвалила, потянув за собой две сверкающие струи.

Из шкиперской вынырнул старший тралмастер Абдулаев.

¹ Золотой Херсонес (*лат.*).

² Сингапуро-советская компания по обслуживанию судов.

³ Б а н к а — сиденье для гребцов в шлюпке.

— Нет, это не боцман, это Плюшкин... Гляньте-гляньте, что он даёт?!

Абдулаев развернул широкие, как пиратское знамя, шорты. Появился боцман.

— Выступи, выступи... Дай сюда!

Он выхватил шорты и, поднося их ко мне, стал нахваливать:

— Культурная одёжка... и размер вполне... и не надёвана, а пятно... — Боцман резко повернулся к Абдулаеву: — Если хочешь знать, от лёжки.

— От кого?.. От Лёшки? От какого Лёшки?! — скаламбурил тралмастер.

Все покатались, боцман тоже засмеялся, но отступать и не подумал.

— Тьфу! — взмахнул он шортами. — Антоныч, скажите хоть вы: ну чем плохая одёжка?

Всё это притворство: никакой судья ему не нужен. Он ущемляет Абдулаева, потому что желает показать свою власть: дескать, и он при деле. Вряд ли Александр Иванович сам это сознаёт. Радость прикосновения к морю пьянит.

— Вон видишь. — Я киваю на уходящую шлюпку. — Коробку проекционных ламп повезли... Подходит «Арзамас», а у них ноль...

Мои слова никому не кажутся странными, рядом море, теперь любая работа или упоминание о ней связано с ним, с Морем. Просыпаешься — и на работе. Засыпаешь — так и во сне видишь её, проклятую...

Море — наша жизнь.

* * *

Солнце стояло в зените, и казалось, там, в воде, кто-то развернул хрустальный веер. Веер светился, будто под ним горела люстра.

— Смотри, — сказал Дмитрий Петрович и показал вниз.

Вначале я ничего не увидел и подумал: «Опять разыгрывает».

Но вот обнаружилась тень, она наплывала, как облачко. Хрусталь потускнел, лучи веера заколебались, стали как бы растворяться. Казалось, свет вытекает из них, точно из сообщающихся сосудов. Потом объявилось и облачко, оно поднималось из глубины, оно ворочалось, создавая иллюзию колеблющегося света.

— Медуза?!

— А если разуть глаза?

Свесившись с борта, стармех даже не пошевелился. Что за человек... До назначения на «Давыдов» работал главным механиком тунцеловной базы «Светлый луч». Как ни крути, а «Давыдов» с базой не сравнишь — подросток.

— Тю... газета! А как медуза.

— Приливом гоняет.

Дмитрий Петрович поднял голову, огляделся, достал из нагрудного карманчика пачку «Ту-134», закурил.

— Антоныч, чем же ты команду займёшь? Судно доковать будем. От жары-то подшипники в мозгах плавятся.

Дмитрий Петрович одёрнул голубую тенниску, сделал навывпуск и как ни в чём не бывало двинулся в кают-компанию на совещание комсостава.

Сообщение о доковании судна было более чем неожиданным. Говоря о предстоящих трудностях рейса: удалённость района лова, близящиеся сроки весенних штормов в Южном полушарии, смутное представление о техническом состоянии машин траулера и так далее, — капитан Геннадий Иванович Протерский (в самолёте наши места были рядом) в качестве основного аргумента против всех возможных и невозможных неприятностей выставлял стармеха Дмитрия Петровича Мануйлова. В его устах он был своего рода панацеей. «Если понадобится, Дима придумает, подшаманит, а то и за время перехода капремонт учинит!..» Геннадий Иванович, лукаво улыбаясь, намекал на какую-то свою блестящую многоходовку, благодаря которой удалось заполучить в стармехи Мануйлова. И вдруг: судно доковать будем, слышу не от кого-нибудь, а от стармеха. Вот тебе и панацея!

Совещание комсостава вёл Геннадий Иванович. Сорокапятiletний мужчина с круглым животиком и покатыми плечами, он сидел вполборота к иллюминаторам, полный капитанского величия и добродушия. Со стороны добродушие воспринималось как полнейшее удовлетворение жизнью, и это было тем более странно, что доклады начальников служб к этому не располагали: судно к лову не готово. «Давыдов», переоборудованный из транспортного рефрижератора в рыболовный супер, последние два года не только не знал ремонта, но даже не заходил в наши порты. Короткие стоянки в Кейптауне, Коломбо, Веллингтоне не могли дать и не дали ему ничего, судно трудилось на износ — и вот результат.

Докладывает служба добычи:

— Система постановки трала неудобна, не работают ваероукладчики траловой лебёдки, гаки, вертлюги требуют немедленной замены¹.

Служба обработки:

— На фабрике установлена машина «Астма», никто из нас с нею не сталкивался. К тому же гнилая она, сыплется, менять каретки надо, нет замков для крышек противней; в управлении их тоже нет (зачитана радиограмма).

Служба рефмеханика:

— Нет аммиака, ни одного запасного баллончика. С таким конденсатором работать можно только на Крайнем Севере.

¹ Ваера — стальные тросы; гак — стальной крюк; вертлюг — блок с петлёй и крюком.

Электромеханическая служба:

— Многие узлы с электрическими приводами будем перебирать, уже начали, нужен технический спирт или смывка.

После каждого доклада Геннадий Иванович, как бы не понимая, о чём речь, взглядывал на стармеха, тот неотрывно рассматривал окраек стола, хмурился, отмалчивался. Наконец пришёл черёд докладывать ему, встал, оправил тенниску.

— Тут много чего... всё правильно, но не смертельно.

Геннадий Иванович, вытиравший платочком лоб, откинулся на спинку кресла.

— Так-то, а то картину...

Дмитрий Петрович перебил:

— Судно требует обязательного докования, подтекает масло в лопастях винта, изношен поршень цилиндра главного двигателя, нарушена телескопия.

Сообщение стармеха было как удар по затылку. Сколько прежняя команда, подменный экипаж билась над выяснением причины... Что, что с главным двигателем? Руками разводили, а этот «чубчик» за четыре дня на тарелочке — изношен поршень цилиндра. Спец! В этот момент никто из нас не думал о том, что Дмитрий Петрович в святая святых, в кают-компани, находится в тенниске на выпуск. Все с восхищением смотрели на него. Ну стармех, ну дока! Однако вскоре восхищение стармехом сменилось общей тревогой за судьбу рейса.

— Вы понимаете, что это значит? — не повышая голоса, спросил Геннадий Иванович, продолжая вытирать лоб платочком. Его лицо потемнело. — Понимаете или нет?

— Понимаю. И ещё раз повторяю: судно требует обязательного докования, — твёрдо сказал Дмитрий Петрович.

Наступила тишина, тяжёлая, напряжённая. С каждой секундой она не уменьшалась, а росла, требуя немедленного вмешательства какой-то третьей, разрешающей, силы.

И я как секретарь парторганизации судна и первый помощник капитана встал на сторону Дмитрия Петровича. Капитан слушал моё выступление с некоторым показным равнодушием, как малозначимое. Когда я закончил, он в который уже раз вытащил платочек, вытер пот, посетовал:

— Жара, хлеще, чем в Аде...не, — улыбнулся. — Кто бывал в Адене?

Оживились. В Адене бывали многие. Вспоминали шумно, кто, когда, на каком судне. Но вот Геннадий Иванович посерьёзnel, встал, подчёркивая этим самым важность момента.

— Вчера в нашу фирму «Сосиаклайн» приходили норвежцы, организуют спортивную неделю среди судов, стоящих в Сингапуре, приглашают нас; завтра на стадионе открытие. Предлагаю принять уча-

стие в спортивной неделе, но... — Сделав внушительную паузу, Геннадий Иванович закончил скороговоркой: — Не в ущерб судовым работам.

Предложение капитана обсуждали долго: выступали каждый по нескольку раз. Постороннему, присутствуя он на совещании, показалось бы, что участие в спортивной неделе — главное, ради чего «Давыдов» задерживается в Сингапуре. О косвенном на флоте любят поговорить, о главном же предпочитают молчать. И то верно — главное, как правило, ясно без слов.

Опустилась ночь. Нет, неточно. На экваторе ночь не опускается, она падает, сложив крылья, подобно хищной птице. Птица вскрикивает — это ночь. Навероятно: ещё нет и двадцати часов, а уже свободно читаются самые призрачные созвездия.

Зажигаю настольную лампу, вытаскиваю стопочку листов, буду писать письмо. Это не так просто, как кажется, в нашей жизни это всегда памятный день, если хотите, вежа. Как белы, как праздничны листы!

«Здравствуйте, мои...»

Сын у меня большой, кончает первый. Вот он в светлой маечке на фоне огорода. Бабушки не видно, но она рядом, может, прореживает лук? Светлую маечку купила она.

Дочь совсем крохотная, ей годик, а на фотографии и того меньше, всё же сидит одна. Вернее, как бы одна, сбоку едва заметны поддерживающие руки. Я хорошо вижу эти руки, я целовал их, наверное, не так часто, как следовало бы, но что теперь...

Достаю сигарету, закуриваю. Дымок. Тень лёгкая, прозрачная, как сеточка паутины; она скользит по белизне бумаги, и мне кажется, белизна течёт. Да, я это ясно вижу: она течёт. Флотилии строк разрушены, кораблекрушение слов, какие-то несоединимые обломки впечатлений и чувств. Хочется написать обо всём, но как напишешь, если сердцу не хватает места в груди, а уж на бумаге разве уместится... Надо попросить фото — пусть сфотографируются и пришлют.

С палубы доносится песенка: «...Девять граммов в сердце... Постой, не зови! Не везёт мне в смерти, повезёт в любви...» Крутят фильм «Белое солнце пустыни».

Фильм судовой: прежняя команда выплатила кинопрокату компенсацию за него (мотивировка — утопили). На самом деле уж очень по душе пришёлся морякам этот фильм, не захотели расставаться.

Конечно, это кривой способ приобретения, но ведь прямого нет, судовая фильмотека считается роскошью — это неправильно. Хороший фильм, как и хорошая книга, должен быть всегда с теми, кто в пути.

«Здравствуйте, мои дорогие Гала, Миша и Наташенька. Сообщаю, что я жив, здоров. Гала, наша

встреча немножко задержится, так как обстоятельства переменялись и в парткоме доходчиво попросили с отгулами подождать...»

— Здравствуйте, незабвенная Екатерина Матвеевна! — Я оглянулся. Просунув голову в иллюминатор, старпом Корецкий озорно улыбался.

Письмо было отложено. До поздней ночи обсуждали завтрашние соревнования. Когда засыпал, у иллюминатора стоял Южный Крест. Он горел так ярко, что, даже уснув, я ещё долго видел его крупные синие звёзды. Они освещали мой путь до самого дома, пока сын не выбежал мне навстречу.

Глава 3

Спускаюсь в шлюпку последним: задержал командир, выдал деньги и наставлял, как поступить, если в условленном месте нас не встретит представитель «Сосиакалайн». Впрочем, нет, последним спускается старпом. Он, как и все мы, в белой тенниске и чёрных брюках. Он кричит боцману, тот стоит на командирской палубе.

— Как отвалим, так и поднимай, весь трап побили!

Я смотрю вниз. Белые тенниски, фотоаппараты, улыбающиеся лица, тянущиеся вверх. Лиц много, целый сад.

— ...Оп!

И сразу голубизна, пронизанная солнцем, и я уже тоже тянусь вверх, в безбрежные воды перистых облаков.

— Оп!

Это Анатолий Петрович.

— Давай!.. — разрешает он второму штурману, и город поворачивается к нам дымчатыми колоннами небоскрёбов.

Лёня Фельдман направляет шлюпку прямо на стену спящих судов. Стена кажется глухой. Но вот она распадается, обнаруживая колотое пространство воды и воздуха. Теперь сухогрузы напоминают айсберги. Сходство в изломанности линий и неожиданности ракурса. Мы считаем флаги, сколько их?! Либерийские, французские, норвежские, английские, польские... И вдруг как откровение:

— Смотрите, смотрите, наш «Мытищи»... Одеситы... Да вон же по траверзу... А вон ещё «Вишера»... Владивостокцы... Мы здесь не одни¹.

За волноломом открылась гавань, как мы определили, тьюлфлота.

Катера, джонки, деревянные баржи, чумазые буксиры — всё это движется, снуёт, кишит. А над нами, там вдали, чуть правее гигантских причалов контейнеровозов, в кружеве арок парящая белая крыша Клиффорд Пирса.

Клиффорд Пирс напоминает просторную открытую веранду, точнее, летний выставочный павильон. Это потому, что здесь много магазинчиков. Они один на одном, в самом прямом смысле, даже под пролётами крыши мерцают их стекляннно-неоновые гнездышки. Стоит подойти к магазинчику — продавец тут как тут, он словно ждёт именно вас, улыбается, приглашает зайти посмотреть товар. Уважающий себя торговец никогда не предлагает что-либо купить. Он предлагает посмотреть, и если вы зайдёте, то он перевернёт свой магазин вверх дном и покажет всё. Пусть вы не купите, но, быть может, поделитесь увиденным со своими друзьями, и они завтра придут и купят...

Торгуют в основном китайцы, их в Сингапуре большинство, семьдесят пять процентов. С белыми они предельно вежливы, а пожилые, когда с ними разговариваешь, даже вытягивают руки по швам².

Впрочем, это наш первый выход в город, и опыта общения с сингапурцами у нас ещё нет.

Мы подходим к стеклянной стенке, она одновременно является и витриной. Товары будто плавают в ней (игра зыбкого света неоновых ламп).

Неожиданно витрина отодвинулась, выпорхнул изящный китаец. Ремень на бёдрах украшен россыпью никелированных заклёпок, волосы блестят — набриолинены; он прикладывает руку к груди, просит войти в магазинчик. Мы отказываемся, но это его не огорчает. Уже то, что мы стоим именно возле этой витрины, создаёт магазинчику, как догадываемся, некую живую рекламу. Китаец спешит воспользоваться ею, отбегает от нас, щебечет, зазывая покупателей, и небезуспешно. Человек пять прямо с бота, поглядывая на нас, заворачивают к нему. Ещё издали китаец нам улыбается, показывает на витрину, опять улыбается, он даёт понять всем, кто за ним наблюдает, что мы — его хорошие знакомые, а может быть, и друзья.

— Валерий Антонович...

Группа расступается, освобождая проход для Серёжи Ильченко. Вчерашний студент рыбного техникума — сегодня он наш механик-наладчик. Щуплый, маленького роста, Серёжа, как и все новички, ходит, преувеличенно раскачиваясь, — «морской волк». Сейчас раскачивание особенно величественно — рядом с ним представитель фирмы.

* * *

— Наша страна самая большая!

Петя Талюкин (вот уж у кого не голова, а лампа: волосы красные, как медь) раскрывает объятия, и восемнадцатилетний гид Джафру восхищённо кивает: да, да, конечно, он понимает, Петя говорит о неопытности.

¹ Малаккский пролив по праву считают золотыми морскими воротами (из варяг в греки) в Юго-Восточной Азии.

² Бывшая английская колония государство Сингапур независимо с 1965 года.

— Наша страна самая богатая!

Этого Петя показать не может.

— Понимаешь, реки золота, раз — и надринкался...

Мы смеёмся: по-английски пить — дринк.

— Оу, ол раит! — восклицает Джафру и показывает на зелёный холм.

Автобус останавливается. Тайго, или, как мы говорим, Тигропарк. Почему Тигропарк? Неясно.

Разделившись на группы по три-четыре человека, направляемся к воротам. Взгляд не останавливается на них, скользит. Вошли. Куда идти? Все столпились, смотрят на меня.

— Антоныч, собственно, что к чему?

— Вас не поймёшь, — вмешивается старпом. — Группами, группами будем ходить. Чего же не ходите?

Его возмутила непоследовательность некоторых, он так и сказал:

— То, видите ли, некоторым не нравится, как детей, их опекают, а сейчас — пожалуйста... Абдулаев, веди свою группу вон туда.

Анатолий Петрович указывает на каменные ступеньки, теряющиеся среди деревьев.

— А ты, Ильченко, веди своих вправо... всем, всем ходить, смотреть, фотографироваться.

Задача поставлена, теперь как будто и мне понятно, что к чему.

— Петрович, давай по этой аллее и пойдём, — предлагаю.

С нами третий штурман Виктор Ливанов, в команде его зовут Витя, ему двадцать лет. Он открывает фотоаппарат «Зенит-3» и начинает колдовать над ним, что-то не устанавливается нужная выдержка. Мы идём медленно, прогуливаемся. Кроны, смыкаясь сверху, создают зелёный полумрак, душно, пахнет нагретыми водорослями.

— Слушай, наверно, зря ты Ильченко назначил старшим?

Ливанов затих, словно его и нет рядом. Тема разговора щекотливая. Витя впервые на должности третьего, его взял старпом, точнее, замолвил за него слово перед командиром.

Конечно, Витя обожествляет старпوما, но сейчас он на моей стороне. Хотя бы потому, что они с Ильченко одногодки и положение у них на судне одинаковое — молодые специалисты.

— Ничего... Нормально.

— А может, ты и прав, — как-то сразу согласился Анатолий Петрович и, улыбаясь, напомнил: — Итак, ходить, смотреть, фотографироваться.

Сингапурский аквариум платный, билет — сорок центов, но, если вы будете покупать сразу не менее сорока билетов, каждый билет дешевле на десять центов. Билет тридцать семь человек, нам выгоднее купить сорок билетов по цене тридцать центов, чем тридцать семь по цене сорок. Так и делаем. Комби-

нация не ахти какая, сэкономили всего два доллара восемьдесят центов, но мы в восторге, перед нами капитализм явно пасует.

Поднимаемся на второй этаж (по-местному на первый, отсчёт этажей с нуля). Для нас это одно из неудобств, которое надо постоянно учитывать, как и левостороннее движение. Встречает контролёр, вид пенсионера, отдаю пачку билетов, он подводит к открытой двери, в проёме темно, как в погребке. Кто-то шутит:

— Что, ныряем?..

Похоже, так и есть: сквозь толщу воды бегут зеркальные шарики воздуха, мелькают неясные тени фантастических существ, водорослей — мы «на дне».

— Смотрите, селёдка, самая настоящая, тихоокеанская...

Столпились, интерес понятен, мы — рыбаки. Через наши руки прошли тысячи центнеров этой рыбы, но здесь она видится иною. Её обтекаемость восхищает, косячок как бы поделен на стремительные отрезки мгновений.

— Гляньте, нас рассматривают... своих душегубов.

Похохатывая, идём дальше, неинтересно, когда рассматривают тебя, да ещё в таком качестве.

Внимание привлекают белые черепахи. Вблизи они светло-жёлтые, величиною со средний чемодан. Они отрываются ото дна и, покачиваясь с боку на бок, поднимаются к серебрищейся полоске воды. Подъём похож на замедленное падение вверх, никакого полёта.

К окну аквариума проталкиваются Тадеуш Станиславович Скерсь и Петя Талюкин.

— Та стойте же, — нервничает Тадеуш Станиславович. — Петро, мы ж их ілы!

— Ну, — соглашается Талюкин и уже всем: — Яйца — пальчики оближешь!

— А котлеты?.. — Тадеуш Станиславович мечтательно прикрыл глаза. — Лягаешь и чуешь, як волосы на голове растут.

Это неожиданно. Смех. Шутки. На какое-то время черепахи стали основными экспонатами аквариума, но ненадолго, чудес слишком много.

Восхитила золотая рыбка с лазурными разливами по бокам. Погрузившись в ярко-красные мохнатые водоросли, высунув головку и грудные плавники, она производила впечатление сидящего в кресле человечка. Собственно, это даже не плавники, а ладошки. Она поглаживает ими брюшко, она довольна жизнью. Но вот водоросли принялись выталкивать рыбку, должно быть, чем-то она стала докучать им. Тут произошло самое забавное. Рыбка начала вмиг своё тело в водоросли такими движениями, точно человек, старающийся усесться в кресле поудобней. По-моему, рыбке это было особенно приятно, она улыбалась. А если учесть, что у рыб органы вкуса расположены по бокам тела и на плавниках, то вряд ли мы ошибёмся, сказав: «В мохнатых водорослях,

словно в мехах, сидеть ей было не только приятно, но и чертовски вкусно».

Покидая аквариум, подошли к пираньям. Заметив нас, стайка бросилась наутёк. В аквариуме пиранья не производит никакого впечатления, разве что чрезмерной пугливостью.

У нас такие сооружения называют ярмарочными палатками. Матерчатый навес, трубчатые походные столики, табуретки — всё с учётом мобильности: развернул — свернул, приехал — уехал. Здесь же площадки выстланы кафельной плиткой, столы, скамейки — всё врыто в землю, забетонировано на века. Крыша, конечно, матерчатая, другой и не надо, главный бич — солнце. В полдень оно беспощадно, даже тень исчезает, прячется от него.

Подъехали к ботаническому саду, а выходить из автобуса не хочется.

Прелесть этот автобус: кресла мягкие, откидные, окна просторные, раздвигающиеся, как двери в электричке, стёкла тёмные, фильтрующие, с улицы нас не видно, зато нам улицу видно как на ладони, например, эти палаточные сооружения. И всё же главное достоинство автобуса — кондиционеры, в салоне свежо, постоянная мягкая прохлада. Да-да! Выходить не хочется.

Мы медлим, переглядываемся. Кажется, с Джафру переговорено обо всём, зацепиться не за что, надо выходить. Поднимаюсь, и тут шофёр, повернувшись, сообщает:

— Ай — симен! (Я — моряк!)

Интересно... Есть повод задержаться, тем более это совпадает с нашим желанием.

Шофёр подаёт чёрное портмоне и просит: «Оупэн» — открыть. Открываю. Всё понятно: карманный фотоальбом.

Джафру притих, посматривает на шофёра с глубоким уважением. Тот отвернулся, облокотился на баранку и как будто потерял к нам всякий интерес. Но это видимость, наши восклицания ему небезразличны, иногда он оглядывается и коротко бросает:

— Американ... Бруклин бридж... май уайф.

Не понять невозможно. Он с женою на знаменитом Бруклинском мосту. Жена малайка, в жакете и юбке. Плечи жакета набивные, высокие, прямоугольные. Юбка длинная, широкая. Оказывается, модницы Юго-Востока когда-то тоже придерживались этой моды.

— Что, Джон, волосы в морях потерял? — спросил старпом и тут же перевёл на английский.

— Ее! — засмеялся Джон, словно ему сделали комплимент.

Известно, моряки всех наций теряют волосы в морях, по крайней мере, сетуют на то. К слову, среди малайцев лысые — чрезвычайная редкость, так что шофёр наш своего рода уникам. Разумеется, мы оценили это, к тому же он был моряком.

Глава 4

«Давыдов» стоял у стенки, и крановщик с высоты башни десятитонного крана наблюдал, как мы гуськом спускаемся по жёсткому трапу.

Крановщик ждал свистка, готовый в любую секунду оттащить трап. Мы торопились. С борта нас подбадривали. Это было подбадривание болельщиков, не верящих в победу своей сборной.

Над нами откровенно смеялись, но мы не обижались, мы ещё не знали своих сил.

У входа на стадион нас встретил норвежец, высокий атлет в белой футболке и белых спортивных трусах. На груди, словно медаль чемпиона, блестел секундомер.

— Рефери, — представился он, и они со старпомом начали разговаривать по-английски.

Они обменивались очень длинными фразами, но понимали друг друга с трудом.

Потом подъехали матросы с «Вишеры» и «Туркуля». Нет ничего радостней за границей, чем встреча со своими, русскими. Как-то сразу почувствовали себя уверенней. Саша, переводчик с «Вишеры», немножко постоял возле Анатолия Петровича и, сказав: «О'кей», — объяснил:

— Спрашивает, будем ли брать на игру спортивную форму: майки, трусы, бутсы и так далее. Говорит, бесплатно... всё это входит в организацию спортивной недели для моряков.

Мы, первые помощники капитанов, переглянулись. Как поступить? Надо бы посоветоваться с консулом, но сейчас не посоветуешься, норвежец ждёт. Валерий Лукич, первый помощник с «Вишеры», пожилой, убелённый сединами, высказал опасение:

— Бог его знает! Как бы из этого чего не вышло?.. — Чего именно не вышло бы, он не сказал, но камень на душу был положен.

Пауза затягивалась. Вслед за переводчиком Сашей и норвежец стал поглядывать в нашу сторону. С каждой секундой молчание становилось всё более тягостным. Казалось бы, что особенного, есть форма — не берите, нету — возьмите, приехали на стадион не болельщиками, участниками соревнования. Нет, давил камень. Не глядя на Валерия Лукича, попросил:

— Анатолий Петрович, спроси у них: трусы, такие, как у него, если есть, мы, давыдовцы, возьмём. — Я засмеялся и, словно оправдываясь, добавил: — А футболки у нас своих сорок восемь штук.

Вишеровцы и туркульцы брать что-либо отказывались.

Вячеслав Захарович Курганский, наш электромеханик, он же капитан спорткоманды, надевая форму, пошутил:

— Кто на парад, подбирайтесь по росту.

Шутку приняли, и вот сорок восемь человек подобраны по росту один в один. Белые кеды, трусы,